

ОТЗЫВ

о диссертации Соловьёва Романа Сергеевича

«„Жизнь Плотина“ Порфирия в историко-литературном контексте II–III века

и проблема ее жанровой неоднородности»,

представленной на соискание

учёной степени кандидата филологических наук

по специальности 5.9.7 — «Классическая,

византийская и новогреческая филология»

Работа Р.С. Соловьёва посвящена анализу очень интересного литературного памятника: сочинения Порфирия «О жизни Плотина и порядке его книг» («Περὶ τοῦ Πλωτίνου βίου καὶ τῆς τάξεως τῶν βιβλίων αὐτοῦ»). Порфирий составляет этот текст в качестве введения к предпринятому им изданию сочинений своего учителя Плотина. Несмотря на то, что этот памятник всегда был в поле зрения исследователей *Эннеад* Плотина, он вызывал и самостоятельный интерес в качестве одного из сочинений самого Порфирия, о чем свидетельствует, в частности, посвященный этому памятнику двухтомник *Porphyre: La Vie de Plotin*, vol. 1-2, Paris, 1982–1992: общий объем – 1200 страниц, подготовлен исследовательской группой CNRS, в которую входили ведущие исследователи поздней античности (Р. Гуле, Л. Бриссон, Д. О’Брайен и др.). Но несмотря на интерес к этому памятнику и его неплохую изученность важнейшие вопросы, связанные с его корректным пониманием и адекватной интерпретацией, остаются без удовлетворительного разрешения. Прежде всего нуждается в разработке общий интеллектуальный и специально

историко-литературный фон, а также жанровая специфика *Жизни Плотина*. Корректной постановке и решению этих вопросов и посвящена данная диссертация.

Диссертация состоит из введения и четырех глав, заключения и библиографии. Во Введении дана общая характеристика диссертации, описана ее структура и содержание, сформулированы предмет, цель и задачи работы, дан анализ исследований текста Порфирия, описана методология исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, указана теоретическая и практическая значимость работы, приведены сведения об ее апробации.

Начиная основную часть работы, Р.С. Соловьёв справедливо обращает внимание на тот несомненный факт, что историки литературы исследуемым текстом практически не занимались, а историки философии рассматривают его в рамках философии неоплатонизма, который противопоставляется среднему платонизму. Искусственный характер этой периодизации уже отмечался исследователями, но в связи с нашим текстом этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении, которое и предложено в работе. Кроме того, давно сложившаяся и уже безусловно устаревшая практика обособленного рассмотрения литературной продукции язычников и христиан также мешает правильному установлению релевантного контекста для *Жизни Плотина*. Этим вопросам посвящена первая глава диссертации.

Во второй главе речь идет о том историко-литературном и философском фоне, на котором только и можно понять исследуемый текст. Р.С. Соловьёв убедительно показывает, что со II века язычники и христиане вместе работают на общем интеллектуальном и литературном поле, привлекая и создавая тексты, которые равно читались и учитывались как теми, так и другими (рассмотрены Филон, Нумений, герметическая традиция, гностики, т.н. Халдейские оракулы, Иустин Философ и другие апологеты, а также тексты Лукиана и Кельса; тут же заметим, что хорошее владение греческим и

латынью позволило автору диссертации рассмотреть всего свыше 170 релевантных текстов – см. список источников). В это время благодаря взаимодействию с греческой философией не только развивается христианское самосознание и учение, но и существенно обновляется традиционный платонизм, осваивающий восточные влияния и христианские установки (в частности, вмещающая представление о священном тексте как основе философствования). Эта традиция активнейшим образом непрерывно развивалась в III веке, когда в Риме возникла школа Плотина, членом которой был Порфирий, изобразивший ее в своей *Жизни Плотина*. Но важно отметить также и то, что прежде школы язычника Плотина уже приобрела известность школа другого ученика Аммония Александрийского – христианина Оригена.

Поэтому в третьей главе рассмотрен вопрос о расширении кругозора платонизма в III веке на примере школы Плотина, причем подробно представлены две фигуры: Плотин и Амелий, который первым стал его учеником. Р.С. Соловьёв очень искусно плетет интригу повествования, постепенно подводя нас к мысли, что в центре внимания автора *Жизни Плотина* не только сам Плотин, глава школы, но и два его ученика: названный и подробно рассмотренный в третьей главе Амелий, а также сам Порфирий, которому посвящена самая большая четвертая глава работы.

Р.С. Соловьёв на основе внимательного анализа многочисленных источников убедительно показывает, что в основе повествования Порфирия лежит его постоянное, начиная с самого первого появления Порфирия в школе Плотина, соперничество с Амелием. Амелий – во всем первый: первый ученик Плотина, он по его поручению пишет опровержение Порфирия, не сумевшего понять точку зрения Плотина на соотношение ума и умопостигаемого; но Амелий также и первый издатель текстов Плотина; кроме того, Амелий пишет толкование на пролог Евангелия от Иоанна, где деликатно допускает возможность проводимого там представления о Логосе,

что совершенно недопустимо для яростного противника христиан Порфирия, который еще в юности был знаком с Оригеном, имел представление о его школе, знал его учение и не мог вынести того почтительного отношения, которое Ориген заслужил у своих учеников. В значительной степени этим спровоцирован тот образ Плотина, который Порфирий рисует в *Жизни Плотина*.

Таким образом, постепенно проясняется христианский фон повествования в *Жизни Плотина*: для правильного понимания этого введения к изданию сочинений Плотина необходимо иметь в виду, что речь идет не только о Плотине как о схолярхе, но и о Плотине как об ученике некогда бывшего христианином Аммония, который был и учителем ученейшего христианина Оригена, возвеличенного в энкомии его ученика свт. Григория Тавматурга; сочинения Плотина собрал и задолго до Порфирия издал Амелий, который хорошо понимал своего учителя и при этом допускал истинность христианского учения о Логосе; божественный Плотин, по сообщению Порфирия, четырежды пережил экстатическое восхождение к Единому, что самому Порфирию удалось только единожды и ближе к концу жизни. Из сочинений Плотина Порфирию-издателю очень хотелось сделать священное писание платоников, составленное им, Порфирием, в пику христианам, против которых он пишет специальное сочинение. Предпринятое Порфирием издание состоит из 54 трактатов, искусственно разбитых на шесть девяток и потому вошедшее в последующую традицию как Эннеады. Уже своей структурой Эннеады воспроизводят строение универсума (хотя для этого Порфирию и пришлось покорежить ряд платиновских текстов).

Нет необходимости подробно пересказывать работу, поскольку, на мой взгляд, уже из сказанного ясно, что перед нами интереснейшее исследование, которое дает новое понимание *Жизни Плотина* и предлагает нетривиальный образ ее автора. Также Р.С. Соловьёв правильно обращает внимание на

жанровую неоднородность этого текста: перед нами энкомий, который однако подчеркнута лишен многих черт традиционных похвальных слов, но при этом может быть соотнесен с *Похвальным словом Оригену*; вместе с тем это и житийный текст, герой которого сопоставим с образами христианских святых; это текст ученого издателя и хорошего филолога, но вместе с тем это и предисловие к *Эннеадам*, которые Порфирий составляет как сакральный текст для платоников и тем самым противопоставляет его Священному Писанию христиан. Образ Плотина у Порфирия встраивается в последовательность «божественных мужей» древности (Пифагор, Платон, Плотин), задает парадигму отношения к учителю у последующих платоников и может быть рассмотрен в перспективе перехода от ареталогической литературы к жанру христианской житийной литературы.

Среди отдельных важных тем, раскрытых в работе, следует отметить рассмотрение Филона как автора, равно повлиявшего на платоников и христиан, и Аммония в качестве учителя как платоников Плотина и Лонгина, так и христианина Оригена, мощного и весьма плодовитого философа и богослова, оказавшего влияние не только на христиан, но и на языческих интеллектуалов, в том числе, как показано в работе, на Порфирия. Интересен анализ эпизода с Фавмасием, смысл изображения которого уясняется путем сопоставления текста из *Жизни Плотина* с текстами Григория Чудотворца и Прокла. Важно внимание диссертанта к тому, каких авторов читали на занятиях в школах и тем самым к школьным библиотекам, представляющим то единое поле, на котором развивалась мысль равно платоников и христиан (ср. сведения о библиотеках школы Плотина, Порфирия, Оригена, Евсевия).

Заключение подводит итог рассмотрения всех вопросов, выдвинутых на защиту, и убедительно показывает новизну работы и ее значимость для корректного рассмотрения эпохи II – начала IV века, без чего невозможно правильное понимание сочинения Порфирия *Жизнь Плотина*.

Нельзя не отметить незаурядную эрудицию Р.С. Соловьёва и его замечательно широкий кругозор. Собственно, именно эта уверенная ориентация как в христианских, так и в языческих авторах и текстах и позволила диссертанту найти продуктивный подход к интерпретации литературных процессов во II – IV веках, подход, позволивший избежать их искусственной фрагментации.

Реферат полно отражает содержание диссертации, публикации освещают разработку основных ее тем и отражают высокую профессиональную квалификацию их автора. Диссертация Р.С. Соловьёва «„Жизнь Плотина“ Порфирия в историко-литературном контексте II-III века и проблема ее жанровой неоднородности» удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Работа является самостоятельным исследованием, которое может быть рекомендовано к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Научный руководитель
профессор кафедры древних языков
и древнехристианской письменности ПСТГУ,
доктор философских наук,
профессор

_____ Ю. А. Шичалин

10 октября 2023 г.